

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ТЭЯ ЛАСТ

Невинная для

БАНДИТА

Тэя Ласт

Невиновная для бандита

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72109477

SelfPub; 2025

Аннотация

– Не так уж ты дорога своему брату, – с ледяным взглядом этот бездушный человек хрипло усмехается: – Теперь ты... загладишь его вину, – кровь стынет в жилах от его слов.

Замерев, я не могу двинуться с места, а безмолвные слёзы оставляют следы на пыльном бетоне.

Возвращение в родные края обернулось для меня кошмаром наяву. Брат, насоливший главарю бандитской группировки, не торопится спасать, а расплату за его деяния хотят взять с меня.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	66
Глава 11	73
Глава 12	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Тэя Ласт

Невиновная для бандита

Глава 1

Осматриваюсь по сторонам, тут всё так же, как и несколько лет назад.

Здание автовокзала, бабульки с зеленью, носками и корзинками сидят у входа на своих табуретках, голоса во всё горло о своих замечательных товарах.

Улыбаюсь, глядя на это, если бы не весть, которую мне принесли вчера, я бы, наверное, никогда сюда не возвращалась. Но моё пребывание в другом городе пришлось прервать, потому что брат вздумал продавать дом деда, а соответственно, и участок.

Я прописана там, и другой недвижимости у нас нет. И если он всё же решится это сделать, то я останусь без места жительства.

С братом мы в плохих отношениях. Точнее, наверное, можно сказать, что мало чего у нас осталось с тех времён,

когда под зорким глазом бабушки мы играли вместе.

Он пошёл совсем другим путём, а я мечтала жить в мегаполисе. Антон решил остаться здесь, а потом и вовсе связался с одной из банд нашего района.

Как говорил мне дед, когда ещё был жив, что он совсем пропащий стал. По сути, всё общение с братом складывалось из редких звонков, чтобы знать, что оба живы. Но тёплые чувства друг к другу, мы давным-давно растеряли.

Отвлекаюсь на пейзаж за окном автобуса, на дворе лето, любимая пора, которая, благодаря солнцу, всегда вызывает улыбку. Небо чистое, красивое, голубое, птички щебечут, пока мы пытаемся въехать в город.

Ностальгия берёт. Но и не сказать, что я хочу остаться здесь.

Я надеюсь, что вызов брата в родные пенаты будет настолько оперативным, как и его звонок. Мне всего лишь нужно уговорить его не продавать землю, и я вернусь туда, где мне лучше, чем хорошо. Ведь там уже устаканившаяся целая жизнь, университет, где учусь на учителя, и к которому питаю особую страсть.

И конечно, Денис.

Денис – мой парень, мы встречаемся уже на протяжении полугода, отличник, историк. Крайне интересный молодой человек, который, как мне кажется, знает всё. Для меня, считай, провинциалки, это что-то невероятное.

Он старше на три года, но обходительный и заботливый, что душа чувствует себя спокойно рядом с ним.

Замечаю, как автобус, наконец, пересекает границу и въезжает в город, а уже через десять минут останавливается. Я потихоньку выбираюсь из него вместе с теми, кому со мной по пути.

Водитель старого жёлтого транспорта тут же отъезжает в сторону парковки, а я смотрю на неширокую тропинку, которая всегда называлась коротким путём. Перевожу взгляд в сторону, где более широкая полоса, по которой ездят машины.

Однако брата своего не наблюдаю.

Хмурюсь, и тут же достаю свой телефон.

– Ало, Антон, – как только прерываются гудки, тарато-

рю: – Я приехала, ты где?!

– Чёрт! – слышу, как он матерится: – Алис, не вырваться, иди по тропинке через лес... – понижает он голос: – Я там парней отправлю, тебя встретят.

Это мне совершенно не нравится.

– Антон...

– Ты слышала?! – гаркает в трубку: – По тропинке. Не бойся, тебя довезут сразу к дому.

Нервный какой-то... Хотя, по сути, сам вызвал сюда. Пожав плечами, киваю уже в отбитый звонок и всё-таки соглашаюсь на его план. Хватаю за ручку небольшую сумку, и глубоко вздохнув, двигаюсь в сторону тропинки.

Раньше было не страшно там ходить, даже через лесополосу, к тому же постоянно, то соседей, то знакомых встретишь. Сейчас такой уверенности нет, потому как уже несколько лет я здесь не появлялась. Ровно с того момента, как умер дедушка.

Кроме него, у нас с Антоном никого и не было, поэтому эту утрату я переживала очень глубоко. Он был замечатель-

ным и справедливым человеком. Наказывал тогда, когда шалили, награждал тогда, когда заслуживали. Всегда учил нас разделять добро и зло, что даже зла во имя добра не бывает.

Родителей мы с Антоном не знали. Скорее всего, он до сих пор их помнит, о чём и рассказывал раньше, а я... В моей памяти не отложилось никаких деталей. Они исчезли ровно в тот момент, когда я появилась на свет, Антону тогда уже было десять. Поэтому всё воспитание взял на себя Аркадий Павлович Авдеев, отец моего отца.

Антон не был близок к деду так, как я, он уже был более осознанным и в какой-то степени, наверное, винит меня в том, что его жизнь в одночасье изменилась.

Двигаюсь ближе к лесу, и невольно закрадываются сомнения. Останавливаюсь, чтобы написать Денису СМС-сообщение, и набираю слова с улыбкой на лице.

Передохнув от тяжести сумки, убираю телефон и снова двигаюсь дальше.

Замечаю где-то вдалеке у воды какое-то отстроенное здание, похожее на жилой дом, квартир так на шесть. Удивляюсь, такое место выбрали, отдалённое. Неудобно же добираться, тем более у воды, там явно болотистая местность.

Возвращаю взгляд вперёд и наблюдаю, как несколько мужчин идут мне навстречу, сумку невольно выставляю вперёд, а страх пульсирует громким биением сердца.

Мужчины выглядят странно, в явно военных штанах и ботинках. Их человек пять, и это, наводит на мрачные мысли.

В те времена, когда я ещё здесь жила, город делился на своего рода несколько группировок, каждая из которых отвечала за что-то своё. Однако так как я не лезла, да и дед оберегал, я понятия не имею, что они между собой делили.

Конечно, то время прошло, цивилизация медленными шагами идёт вперёд. Правда, эти мысли так и не помогают разогнать холодный страх, что ползёт по позвоночнику, в то время как опасные незнакомцы приближаются.

– Чёрт! – восклицает один из них и со зловещей усмешкой прожигает меня взглядом: – Ты ж Антохина, наверно?

Судорожно киваю болванчиком, они совершенно не вызывают доверия. Но ведь Антон не смог бы сделать ничего такого, что мне навредит, верно...

– Прости, напугали! – подаёт он руку: – Поехали, брат

ведь тебя предупреждал?

Глава 2

Они переглядываются друг с другом, и один из них с усилием вырывает мою сумку.

– Я дойду, – отчаянно пытаюсь не мямлить: – Я дорогу вспомнила...

Мой осипший голос выдаёт меня с потрохами. Но ещё больше я боюсь того, что они могут со мной сделать.

– Не бойся, красавица, – всё тот же, кто говорил, отвечает: – Ренат нас учил всем помогать.

Хмурюсь на его слова, а тем временем оставшиеся ржут как кони.

Не представляя, как избавиться от них, семеню за ними. Мозг судорожно пытается сообразить, что это за люди и в какую передрагу я попала. Ещё и дня не прошло в родных пенатах, а я уже до одури хочу вернуться домой.

Мы стремительно шагаем через лес, а минут через десять перед нами вырастает машина.

Явно иномарка. Дорогая, красивая и агрессивная.

Один из них открывает заднюю дверь, практически заталкивая меня внутрь. Я даже пискнуть не успеваю, валюсь чуть ли не лицом на сидение, и только потом замечаю напротив сидящего мужчину.

Глаза от ужаса раскрываются, и я невольно хватаюсь за сердце.

Машина тем временем начинает свой ход, а я сглатываю, потому что человек напротив совсем не выглядит как добродетель.

– Зд... здравствуйте, – лепечу шёпотом, и только после этого пытаюсь оглядеться в поисках моего чемоданчика.

Мужчина напротив молчит, лишь опасно склоняет голову набок. Глаза тёмные и холодные, а сам выглядит так, будто готов потрошить что угодно и кого угодно.

Модная стрижка с бритыми висками, квадратная челюсть, низко сидящие брови, борода и прищуренный взгляд. В высоту он явно метра два, как уместился в машине, в которой фактически до крыши достаёт, ума не приложу. Пугает и чёрная паутина чернил, что виднеется на его шее из-под во-

рота чёрной рубашки.

Рядом с ним я выгляжу как муха, которая явно не туда залетела.

Он всё ещё молчит, а я пытаюсь прикрыть платьем ноги, потому что вижу, как ползёт его взгляд ниже. Ёрзаю на сидении, определённо чувствуя, что что-то не так. Телефон остался в кармане чемодана, а я даже и позвонить Антону не смогу, чтобы попросить его о помощи.

– П... простите, – пытаюсь собраться с духом: – Антон говорил, что меня встретят его друзья...

Смотрю на мужчину с надеждой, но вижу, как приподнимается уголок его губ.

– Верно, – грубым басом отвечает вдруг.

И тут становится ещё страшнее.

Машина резко тормозит, а я пытаюсь осмотреться по сторонам, но вижу лишь забор. Но это явно не забор нашего с Антоном унаследованного дома.

– Я на Соловьёва живу, – шёпотом озвучиваю и перевожу

взгляд на мужчину.

А он в ответ даже не смотрит, и как по волшебству в этот момент открывается дверь. Он тут же выходит с уверенной грацией, двигаясь вперёд. Я же выглядываю из машины, пытаюсь разобраться, в чём дело. Но рука того, кто открыл дверь, буквально дёргает меня на асфальт, так что я сдираю колени и громко вскрикиваю.

– В камеру посадите.

Раздаётся громом бас всё того же жуткого мужчины.

– Подождите! – меня хватают, больно заламывая руки: – Пожалуйста! Это недоразумение! Слезы всю уже стекают из глаз, и я пытаюсь достучаться до уходящего монстра: – Подождите! Мне на Соловьёва! Я ничего не сделала! Рыдаю в голос, пока меня волоком тащат по асфальту, сдирая кожу до ссадин.

Пытаюсь осмотреться, но вижу лишь стены то ли дома, то ли подвала. Меня практически кубарем сталкивают по лестнице и толкают в какое-то помещение.

Истерика в это время выходит на новый уровень, и я безбожно плачу с одним вопросом на устах: за что и почему...

Кожа болит, а страх заставляет сжиматься до меньших размеров. Можно было бы как Алисе в стране чудес, я бы тогда точно смогла бы выбраться.

Вот глупая, только увидев их, надо было бежать, прятаться в кустах. Что угодно делать, но только не останавливаться. А теперь... Я даже не понимаю, где я, за что всё это происходит со мной, и кто эти люди.

Боже, Антон, пожалуйста, найди меня.

Остаётся лишь надежда на брата, что он кинется меня искать. Не увидит на обусловленной точке и поднимет на уши всю округу.

Может быть, тогда эти люди, наконец, поймут, что совершили ошибку. Ту ошибку, которая мне стоила тысячи нервных клеток.

Глава 3

Сквозь пелену в глазах пытаюсь рассмотреть, где я.

Бетонные обшарпанные стены с засечками то тут, то там. В углу стоит металлический унитаз, не прикрытый даже подобием ширмы.

У стены под небольшим окном подобие кровати. Эта металлическая конструкция с пружинами посередине вряд ли может таковой называться. Раковина сантиметров пятнадцать всунута тоже в угол.

Осматриваю это убранство и невольно начинаю дрожать от рыданий.

Господи, где я оказалась.

Это как тюрьма, пусть я и не была в подобных местах, но, судя по тому, что видела в телевизоре, это очень похоже. Возвращаюсь к металлической двери, тарабаня по ней.

– Эй! Выпустите меня! – благодаря рыданиям выглядит жалко, но я не могу просто смириться: – Откройте! Откройте эту чёртову дверь!

Силы уходят стремительно, и я оседаю на пол, подперев собой дверь. Тру лицо до боли...

Как же мне выбраться отсюда?

Смотрю в просвет, что оставляет окошко, но прутья явно мешают моему спасению.

Вся жизнь перед глазами проносится, комната небольшая в коммуналке в городе. Книги, что корешками выстроены рядом на полочке, небольшой стол с фикусом сбоку, чтобы его ростки спускались и вились дальше к подоконнику. Аккуратная постель, заправленная разноцветным покрывалом с геометрическими узорами.

Денис... который часто бывал у меня в гостях. Он пока живёт с родителями, поэтому к ним мы ходили лишь один раз на чай, чтобы познакомиться. А остальное время проводили наедине в моей комнате.

Как же теперь быть.

От мыслей о той жизни становится хуже. Потому что безнадежное ощущение буквально преследует меня. Висит огромным серым облаком, и я не знаю, куда от него спря-

таться.

Понятия не имею, сколько времени проходит, пока я, завалившись на бок, дремлю из-за бессонной ночи, но как только слышу лязг замка, тут же подскакиваю, пятясь подалее к стене.

Здесь жутко холодно, но как будто организм уже привык. И если его и трясёт, то только из-за паники, которая всюду наполняет каждую клеточку моего тела.

В ожидании с ужасом в глазах не дышу, потому что не представляю, что ждёт меня.

Дверь открывается, и я во все глаза таращусь на входящего, узнавая в нём того мужчину.

Он медленно осматривает помещение, и я слышу, как дверь закрывается обратно. Сглатываю, не в силах ни кричать, ни бежать пытаться остановить её.

Он останавливает свой взгляд на мне. Проводит снизу до верха, а руки невольно прикрывают край платья, от которого уже осталось одно название.

Монстр делает шаг ближе, и если бы можно было вжаться

в холодный бетон сильнее, я бы вжалась. Испуганные глаза, что бегают по нему, его совершенно не смущают.

Наоборот, мне кажется, будто ему даже нравится чувствовать этот страх. Нахмуренные брови – это единственное мимическое проявление на его лице, в остальном лишь равнодушная безжалостная маска.

– Снимай платье, – озвучивает он хриплым басом, засовывая руки в карманы.

Мотаю головой в разные стороны и слово вымолвить боюсь.

– Я говорю. Ты делаешь. – резко и грубо добавляет.

Стою, а двинуть ни рукой ни ногой не могу. Просто будто застыла.

Я не собираюсь этого делать.

Не буду и всё.

Он с пару секунд наблюдает всё так же, только лишь взгляд прищуривает, а затем делает шаг ближе.

Грудь то вздымается, то опускается, пока этот бездушный человек приближается.

Я уже почти скулю в голос, а он в одно движение вскидывает свои руки и рвёт на части тонкую ткань летнего платья.

Пытаюсь остановить, касаясь грубой кожи, но он будто даже внимания не обращает. Уже не сдерживая воя, прикрываю руками оголённое тело и бельё, в котором остаюсь.

Он же чуть отступает назад, а я чувствую полный стыд и унижение. Зажмурив глаза, реву, не в силах даже спросить, за что он так со мной, что я ему сделала.

– На колени.

Как только слышу слова, тут же распахиваю глаза. Судорожно мотаю головой, не веря, что это и вправду происходит.

Что это моя реальность сегодня, и что Антон так долго ищет меня.

– Пожалуйста! – шёпотом молю: – Прошу вас! Это какая-то ошибка...

Нечитаемое лицо беспощадного человека не выдаёт ника-

ких эмоций.

В один момент он оказывается около меня, поднимаюсь глазами к его жестокому лицу, пытаюсь хоть как-то воздействовать.

Но, конечно, я всё понимаю...

Он разминает шею, снисходительно смотрит на меня сверху вниз, а потом я чувствую, как давит его рука на мою макушку.

Вновь мотаю головой, захлёбываясь в рыданиях. Дыхания не хватает, и я практически задыхаюсь, погибая в этом кошмаре.

– Что я вам сделала...

Бессвязно шепчу, в то время как он заставляет меня буквально свалиться на пол и оказаться перед его пахом.

Зажмуриваюсь со всей силы, молясь всем богам, чтобы это оказалось ужасным сном. И вот сейчас я открою глаза и окажусь дома.

Но, конечно, это глупые выдумки моего рассудка. Ощу-

щение, что единственное, что может меня спасти, это смерть.

– Открой рот.

Приказ раздаётся громче, а я могу лишь всхлипывать и безмолвно трястись.

Я не знаю, почему... И не понимаю, за что.

Он резким движением грубо хватает пальцами за щёки, и сам надавливает так, что челюсти расходятся. Вижу, как он растёгивает пряжку ремня, и вновь зажимаюсь. Пытаюсь увернуться, но хватка этого чудовища доставляет такую боль, что кажется, зубы вонзаются в плоть. Он вдавликает голову к стене, что затылок словно повторяет засечки на бетоне.

Слышу, как шелестит ткань, а потом чувствую.

Чувствую, как в сжатые зубы он с силой толкает свой половой орган.

Я никогда в своей жизни не встречалась с насилием. И даже когда слышала, мне казалось, что это где-то далеко, там, где меня нет.

Глава 4

Дыхания не хватает, а слёзы всё ещё бегут из глаз непрерывным потоком. Он прижимает голову к стене, тараня горло до рвотных позывов.

Думать ни о чём не могу, кроме того, что этот человек пытается засунуть в рот это огромное естество. Он даже не входит наполовину, только лишь треть.

Жмурюсь только, чтобы этого видеть, стараюсь концентрироваться на боли, которую доставляют его хватка на волосах и жёсткие толчки.

С уничтожающим отвращением кашляю и задыхаюсь.

– Дыши носом.

Слышу хриплый приказ и отчаянно стараюсь вдохнуть, но не получается. От рыданий нос забит.

Пытаюсь освободиться, толкая его ноги, но тщетно, он тут же сильнее вдавливают в стену и оттягивает волосы до боли.

Сил как будто уже не осталось.

Ощущаю, как он замирает, а затем дёргается несколько раз, и пытаюсь не захлебнуться солоноватой жидкостью.

Тошнота и мерзость – это единственное, что я испытываю.

Он резко вытаскивает свой член, а я же тут же прижимаюсь к полу и меня тошнит.

Не в силах сделать ничего, кроме как полусесть, облокотившись на стену, вялым движением вытираю рот рукой.

Знаю, что он наблюдает, этот взгляд невозможно не чувствовать. А спустя паузу монстр молча выходит за двери.

А на меня нападает ненависть, дикое отвращение и ужас всего того, что случилось.

Он фактически изнасиловал меня.

Чудовище. Монстр. Не человек.

Господи...

Вою в голос от происходящей жути и унижения. Судорожно вытираю язык, пытаюсь стереть этот грязный привкус.

Что теперь со мной будет...

Отползаю от стены, двигаясь ближе к кровати, и, свернувшись на полу с пустым стеклянным взглядом, засыпаю.

Теперь мне совершенно точно хочется умереть.

Я просто не смогу жить спокойно после того, как он осквернил меня.

И больше всего на свете я боюсь того, что этот изверг вновь появится. А дальше я даже боюсь предположить, чем может закончиться для меня его появление.

Кругом высокая трава.

Я иду, провожу руками, наблюдая это бескрайнее поле. За спиной болтается соломенная шляпа, а белый сарафан развеивается от дуновений лёгкого ветра. Оборачиваюсь и иду спиной вперёд, а Денис поправляет очки и улыбается мне в ответ.

Вокруг тишина, и только мы вдвоём в этом бескрайнем поле.

Я начинаю отбегать, а он тут же срывается за мной в попытке догнать. Смеюсь, заливисто и громко, а он ловит, хватая в свои руки, и смотрит влюблённым взглядом.

Лязг замка заставляет подскочить, а тело тут же пронзает тысяча иголок. Закоченевшие конечности онемели, и от холода, кажется, даже посинели.

Прижимаюсь к спинке кровати, убирая волосы от лица, и с гулко бьющимся сердцем наблюдаю за дверью.

В камеру входит какой-то парень.

Худошавый, в полном обмундировании, он осторожно смотрит на меня, чуть хмуря светлые брови, и оставляет ведро и швабру.

Выходит обратно, а за ним появляется женщина лет пятидесяти на вид. Разглядывает меня с ног до головы и поджигает губы.

Хватает швабру и идёт ровно к тому месту, где меня вырвало. Парень, видимо, следит за тем, чтобы я молчала, стоит у двери.

Ошалело вожу по ним глазами.

Вот здесь двое человек, которые наверняка понимают, что я не по доброй воле сижу в заточении.

И ни один не готов помочь.

В каком мире мы живём?!

Всем плевать.

Это только я, глупая, полезла бы спасать, если бы могла. Да только в ответ никто не поможет.

Вспоминаю об Антоне, оберегая крохотную надежду, что он придёт за мной. Даже несмотря на то, что мы в последнее время сильно отдалились. Мы же одна кровь.

– Принеси матрас, – громогласно озвучивает женщина тому парню.

Он недоверчиво смотрит на неё, но её взгляд чуть ли не такой же грозный, как у того бандита.

– В тумбочке есть мыло, – кивает она небрежно, продолжая: – Можешь умыться в раковине. Душ по расписанию, водить буду раз в два дня.

Выдаёт механическим голосом, будто я не человек со-
всем, и всё ещё намывает полы.

Качаю головой, не воспринимая эту информацию.

– Лучше умереть, чем остаться здесь... – шепчу осипшим
голосом.

– Послушай, – оборачивается она на дверь: – Будешь его
слушаться, проблем не будет.

Вскидываю глаза с ошарашенной усмешкой и своими хро-
ническими слезами.

– Проблем?! – переспрашиваю, трясая головой: – Они
схватили меня и приволокли, будто я преступница, будто я
что-то им сделала! А тот... монстр, он... – вновь чувствую
клубок всех эмоций, что чернеют в моей душе.

Женщина громко вздыхает.

– Хватит! – повышает голос: – По еде распоряжений не
было, так что береги силы.

Не верю в услышанное, а дверь тут же открывается, и тот

парень вносит матрас, бросая его на пол.

Незнакомка, оглядев меня напоследок, молча выходит, забирая ведро и швабру.

Лязг замка, и снова оглушающая тишина.

Пересаживаюсь на матрас, ощущая, что он тёплый, в отличие от пола. На миг словно стало даже лучше. Физически. Эмоционально, кажется, я теперь сломана навсегда. Или это ещё не конец?

Глава 5

Не представляю, сколько я проспала, но по яркому лучу в середину комнаты, ровно на матрас, я понимаю, что уже светит солнце. События вчерашнего дня яркими кадрами тут же проносятся перед глазами.

Губы болят, пытаюсь дотронуться, и ощущение, что они стали больше. Окидываю взглядом ноги и руки, на которых ссадины и грязь, можно же инфекцию получить.

Но, а какая теперь разница...

Сажусь, пытаюсь опереться на ослабшие руки, я ела последний раз, когда уходила из дома, перед тем как сесть в поезд. Может быть и хорошо, что не было распоряжений о еде, значит, умру с голода, и больше никогда не буду вновь и вновь переживать тот день, когда он сделал это.

Спутанные волосы непонятной массой слиплись на спине, и я пытаюсь пальцами привести их в порядок. Разодранное платье болтается, едва прикрывая тело, а я пытаюсь связать его узлом, чтобы соединить два куска.

Смотрю на раковину, на которой лежит тюбик зубной пас-

ты и щётка.

Давай, Алиса. Нельзя просто лежать.

Надо быть сильнее.

Уговариваю себя. Но нет желания ни быть сильной, ни оставаться здесь, ни быть рядом с этими головорезами.

Пытаюсь сделать вдох, и всё же карабкаюсь выше, опираясь на койку. Еле перебирая ногами, дохожу до угла. Здесь даже зеркала нет.

Зачем пленникам зеркала, правильно? Его ведь можно разбить и оставить незаживающие шрамы на лицах своих обидчиков.

Прикрываю глаза, сама удивляясь своей кровожадности, это совсем не я. Это всё то чудовище, что сделал это со мной.

Включаю скрипучий кран, а когда льётся вода, набираю в ладони, споласкивая лицо, и, наконец, понемногу прихожу в себя. Пить её опасно, но отчаянно хочется хотя бы жидкости.

Смотрю на струю, принимаюсь к рукам, вроде не пахнет. Хотя у нас с этим в коммуналке бывали проблемы, тру-

бопроводы в жилых многоэтажках ни к чёрту.

У нас с дедом был колодец.

Глубоко вдыхаю, снова набираю воду и всё-таки пью её. Чувствую, как по горлу стекает вода, будто омывает изнутри после того, что случилось.

Беру пасту, и не собираясь чистить зубы этой щёткой, тру их пальцами. А когда завершаю процедуры, хочу в туалет, но боюсь, что если кто-то придёт, то они увидят.

Иду к двери прислушаться, но там оглушающая тишина, ни намёка на звуки.

Возвращаюсь, всё же исполняя свои физиологические потребности, быстро вскочив и поправляя свой убогий вид.

Тяну матрас, чтобы поднять его с пола, и перекидываю на кровать. Кажется, на это уходят все мои силы. Забираюсь с ногами, садясь к стене и обняв колени, жду, рассматривая столб пыли, который поднялся в воздух и маленькими частичками сейчас летает в свете луча от окна.

Хотела бы я быть птицей, чтобы вырваться и улететь. Чтобы никогда больше не возвращаться и жить только в тёплых

краях. У которых дом может быть, где они захотят. В любой момент. Вялая улыбка растягивается на лице, когда я буквально воспроизвожу их пение в своих ушах.

Только сквозь эту желанную мелодию прорывается новый чужой звук.

Лязг замка. Медленно открывающаяся дверь.

Вижу уже другого мужчину, который осматривает комнату, а затем останавливает свой взгляд на мне.

– Встать. – чеканит он с пронизательным взглядом, но совершенно ничего не выражающим лицом.

– Кто вы? – отвечаю уже более громким голосом, по сравнению со вчерашним днём.

– Встань.

Ещё раз повторяет, но уже немного склонив голову набок. Отчего тут же вспоминаю того монстра и подрываюсь с места. Он разглядывает с ног до головы.

– Холодно?

Видимо, видит мурашки на коже, а я отрицательно качаю головой.

– Здесь одежда. – кивает головой на вход, и оттуда появляется уже парень со вчера, который оставляет стопку вещей и пакет с обувью.

А дальше этот, кто рассматривал меня, кивает, и также резко, как появился, он уходит. Так и остаюсь на месте, не успеваю и слова сказать.

Смотрю на вещи, сложенные аккуратной башней. Серая, видимо, футболка, такие же штаны, а на ноги что-то вроде кроссовок.

Не хочу думать, что всё это организовал тот человек, поэтому сажусь рядом с вещами, но не трогаю. Может быть и выглядит как детский каприз, но он...

Он похитил меня, держит в заложниках, ещё и успел надругаться...

За такое сажают минимум на десять лет, наверное.

Милиция сейчас, наверное, мне помогла бы. Однако тут же всплывают слова Антона, что ментам на всё насрать, ес-

ли можешь вертеться, то только сам. Это он мне выдал надежды, когда дед попросил попробовать достучаться до него, чтобы домой вернулся. Переживал он за него сильно, может быть и не зря. Если сегодня уже второй день, и мои надежды, что Антон меня заберёт, тлеют слишком быстро.

Кажется, что он не сможет.

Не против этих людей.

Я на подсознательном уровне, наверное, понимаю, почему он мог бы отказаться от моего спасения.

Эти люди действительно не выглядят, как обычные уличные разбойники. По крайней мере, тот главный, что был в костюме, точно не похож. А его подопечные, очевидно, что терминаторы, забывают и глазом не моргнут. Это я ещё ничего не знаю, возможно, они даже вооружены.

Прикрываю глаза, шумно вздохнув. Желудок тут же даёт о себе знать протяжными звуками, и я пытаюсь забыть о том, что голодна.

Бывало, когда только уехала и ещё не устроилась работать, я была вынуждена терпеть голод. Может быть и сейчас это будет моим иммунитетом.

Тру кожу на лице, пытаюсь хотя бы немного остановить зудящие мысли, как тут вновь слышу этот противный и пугающий лязг чёртового замка.

Глава 6

В груди тарыхтит испуганное сердце, а пульс прямо бьёт в висках.

Отчего-то сейчас ожидание от звука засова до того, как откроется дверь, буквально действует убийственно на мой истощённый организм.

Это он.

Он, уверена.

Пячусь дальше на кровати, толкая вещи, что тут же частично валятся на пол.

Сама же сажусь, облакачиваясь лицом на колени.

Не могу смотреть на него, только если с желанием выцарапать ему глаза. Но прекрасно ведь понимаю, что это закончится плачевно.

Слышу шаг и вижу, как идеально чистый ботинок ступает по полу. Вчера он был в костюме, сейчас нет. Сейчас на нём какие-то брюки и высокие ботинки. Большого не вижу, ста-

раясь дышать, чтобы не трястись от силы своего страха.

Он останавливается напротив. Чётко напротив стоит, широко раздвинув ноги. Даже луч света и тот подчиняется ему и становится менее ярким. Будто этот человек забирает всё тепло себе, съедает его заживо. Оставляя после себя только засохшую жизнь.

На смену теплу приходит холод, на смену жизни – смерть.

Он молчит и не двигается, будто застыл тут живой статуей, а я не могу. Даже ёрзаю, потому что ощущаю себя в капкане. Будто я уже в него шагнула, и если сейчас сдвинусь, он захлопнется и определённо лишит меня чего-то важного.

Прикрываю глаза, стараясь сосчитать до десяти, а затем медленно всё же открываю их.

Шумно дышу, тогда как напротив изваяние невозмутимой бездушной маски с тёмными как ночь, глазами, даже не моргает.

– Освоилась? – бросает он грубо.

Сглатываю, потому что этот голос навевает самые кошмарные воспоминания, вновь прикрываю глаза.

– Что вам нужно?

Спрашиваю, потому что если не получу ответов, то не знаю, я просто не выдержу.

Он молчит, и по холодному взгляду я понимаю, что отвечать он не будет.

– Вы ошиблись... – озвучиваю, предпринимая вялую попытку достучаться: – Меня должен был встретить брат, то есть его друзья, я приехала на пару дней... – на последних словах голос превращается в шёпот: – Пожалуйста...

– Раздевайся, – не обращает внимания на мою бессвязную речь, и я вижу, как он расстёгивает брюки.

Боже! Нет!

– Прошу, – мотаю головой, стирая слёзы: – Пожалуйста! Всё, что захотите, но только не это...

Я ещё ни разу не была с мужчинами.

Денис.

Он должен быть моим первым мужчиной.

Изверг вздёргивает бровь, но продолжает.

Подходит ближе к кровати, хватая меня за ногу, а я пытаюсь отбиться, попасть по его рукам. Но мужчина гораздо, гораздо сильнее меня. Резко тянет в одну сторону рваную материю платья.

Надо было одеться, чёрт возьми, тогда ему было бы сложнее.

Скулю в голос, моля его остановиться. Но он словно не слышит. Удерживает руки над моей головой, равнодушно дёргая трусы так, что они расходятся по швам. Пытаюсь согнуть ноги в коленях, извиваюсь и кричу, но тщетно.

Он как робот, которому чуждо всё человеческое, чуждо всё моральное и нравственное.

Раздвигает ноги, навалившись сверху крепким телом, а его лицо аккурат оказывается около моего.

Застываю, не в силах поверить, что это происходит, а он прямо глядя в глаза своими чёрными омутами резко врывается в меня.

Боль настолько резкая и жгучая, что я громко вскрикиваю, а слёзы тут же стекают по волосам.

Дышать не могу, смотреть не могу, думать не могу.

Я уничтожена.

Денис теперь никогда не будет со мной. Для него это было важно, а мы пообещали друг другу. И сейчас этот человек, он ломает мою жизнь. Ломает меня, высматривая, и наслаждается, наблюдая это разрушение человеческой жизни и принципов.

Отворачиваюсь в сторону, но крепкая мужская рука дёргает меня обратно. Монстр продолжает двигаться поступательными движениями, доставляя жуткую боль трением сухой плоти.

Держит рукой, а я пытаюсь смотреть на него с таким отворачиванием, на которое только способна в своей жизни.

Его глаза водят по лицу, по губам, но мне уже всё равно, я забилась в кокон и не выйду из него.

Кокон разрушенных надежд и мечтаний.

Теперь даже если и Антон найдёт меня, плевать.

– Расслабь мышцы. Будет легче.

Хрипит он вдруг, касается пальцем кожи на лице, вытирая слезу с таким нажимом, что и это доставляет боль коже.

Не могу расслабиться.

Мне больно. Мне тяжело.

Мне паршиво настолько, что не хочется жить.

– Лучше бы вы меня убили... – отчуждённо сиплю в ответ.

Он сжимает губы в плотную линию, но своих движений не останавливает. Продолжает внаглую жестоко трахать моё неживое тело.

А я, наконец, чувствую, как он освобождает моё лицо, отворачиваюсь и с пустым взглядом жду, когда это всё закончится.

Глава 7

Сколько времени прошло с тех пор, как этот изувер оставил, наконец, истерзанное тело, я не знаю.

Всё так же лежу, проливая горячие солёные слёзы. Грязная, осквернённая бездушным монстром. Телу уже даже не холодно, будто оно перестало чувствовать. Будто как только он дотронулся до меня, я превратилась в сосуд.

Пустой, отравленный сосуд.

Нет сил встать и отмыть себя, хотя невероятно хочется тереть кожу до алых пятен. Царапать, пытаясь содрать этот слой, который он заклеил, оставив невидимые отпечатки своих варварских рук.

О Денисе стараюсь не думать, потому что безбожно болит сердце в груди. Потому что только сейчас я до конца осознаю, что со мной случилось и что, как прежде, я теперь уже не смогу.

Даже если меня сейчас выкинут отсюда, как ненужную вещь, старой жизни не будет. Ведь каждый день, каждую секунду своего существования я буду помнить только зверство

этого мужчины, во взгляде которого нет ни капли жизни.

Ни капли человеческого.

Поворачиваю голову, чувствуя, как затекли конечности, смотрю в потолок, в котором светит тусклая потолочная лампа, как в больницах.

Не заметила, как включили свет, не заметила, как и луч света растворился в кошмаре этого дня.

Лязг замка и снова открытие двери.

Даже не прикрываю нагое тело, с отрешённым видом наблюдая ту женщину, что была тут вчера или позавчера.

– Что ж ты, – всплескивает она руками и тут же пытается прикрыть меня вещами с пола.

Смотрит в опустошённые глаза и поджимает губы.

– Сейчас придёт врач, он осмотрит тебя. – озвучивает она крепким голосом.

Ни капли сострадания в этом лице, как и у всех тех, кого я здесь видела.

Отворачиваюсь на бок, глазами впиваясь в кривую от порезов стену. Слышу вздох и как она с кем-то здоровается. Любопытства нет, оно тоже ушло из моей натуры.

Кажется, что всё то, что я знала о себе до сегодняшнего дня, всё покинуло, оставив только оболочку Алисы Авдеевой, невысокой блондинки с голубыми глазами, в которых раньше искрилось рвение узнать этот мир.

Сейчас от этого не осталось ничего. Лишь тело сорок четвёртого размера с красными отметинами и ссадинами.

– Сядьте, пожалуйста, – слышу голос доктора, но не могу повиноваться.

Рядом женщина определённо точно нервничает, это чувствуется по еле слышному бормотанию.

– Вы в порядке? – снова доктор обращается ко мне.

Оборачиваюсь, наблюдая охранников, что сальными взглядами обдают моё обнажённое тело. Если они и слышали мои крики ранее, то наверняка понимают, что происходило за этой дверью.

Безразлично осматриваю этих чудовищ, глаза которых так или иначе смотрят на меня. Доктор с мрачным взглядом изучает. Женщина, поджав губы, глазами упрекает. Охрана с улыбками пожирает.

Пытаюсь сесть на койке, что удаётся не с первой попытки, и равнодушно молчу. Грудь полностью открыта, а низ я пытаюсь прикрыть ослабшими руками.

– Вы чувствуете боль сейчас? – задаёт вопрос врач.

Наблюдаю, как женщина, услышав шёпот и обнаружив плотоядные взгляды, движется к двери и закрывает её.

Это вызывает усмешку, которую я оставляю при себе.

– Да. – сиплю врачу, наконец обращая на него своё внимание.

Он кивает, удовлетворённый тем, что появился контакт.

– Мне нужно вас осмотреть, – озвучивает осторожно, посылая взгляд в женщину.

Та кивает и сама принимается доставать что-то из недалеко стоящего пакета.

– Ложитесь, раздвиньте ноги и согните их в коленях.

Озвучивает доктор, доставая из своего чемодана какие-то инструменты.

Падаю обратно на кровать безвольной куклой, ожидая, что он будет делать с моим телом.

Спустя около часа всевозможных исследований и забора крови он констатирует, что работа выполнена. А женщина открывает мою клетку и выпускает его.

Сама не выходит, остаётся здесь.

– Здесь наволочка, простынь и покрывало, – указывает на новую стопку вещей: – Я сейчас принесу тебе еду и воду.

Укрывает меня тем самым покрывалом и выходит.

Под покрывалом тепло, но мороз, что стынет внутри, будто только леденеет, покрывая и меня холодным тяжёлым льдом.

Не слышу, как она появляется, лишь только запах еды проникает в ноздри. Желудок тут же даёт знать о том, что он

больше не в силах сдерживать свои голодные порывы.

– Ешь, – слышу голос женщины: – Тебе надо поесть, это приказ.

Эти слова вызывают натуральный смех. И я позволяю его себе. Громко, истерично смеюсь, почти до срыва голосовых связок.

– Слушай, – не выдерживает она и резко поворачивает к себе: – Ты можешь думать, это худшее, что могло с тобой случиться. Но ты не представляешь, в какой водоворот ты попала.

Глаза её буквально налиты злостью и презрением. А я чувствую, как влага, вырабатываемая слёзными каналами, течёт наружу.

Сажусь на постели.

– Вот так. – довольно озвучивает она.

Думает, что её слова подействовали, но на деле не имеет смысла устраивать голодную забастовку.

Всё уже случилось.

Хуже не может быть.

Он сделал то, что нормальный мужчина никогда себе не позволит, и, возможно, необходимо просто принять тот факт, что пока мне нет спасения.

Однако, если...

В голове простреливает мысль, а что, если я буду выполнять все приказы, что, если мне тогда удастся сбежать... Пусть не сразу, пусть через время. Если мой брат, на которого надежды теперь уже совсем не осталось, не найдёт меня раньше.

Наклоняюсь поднять с пола ту серую кофту, которую игнорировала, и натягиваю её на голое тело.

– После того как поешь, отведу тебя в душ. – озвучивает она, прежде чем исчезнуть из моего личного пространства.

Глава 8

Следующие дни похожи один на другой. Кроме того, что чем дальше, тем хуже мне становится.

Каждый щелчок металла, что предшествует открытию этих чёртовых дверей, заставляет натягиваться в струну всё моё существо. И каждый раз я благодарю всевышнего за то, что это оказывается не он.

Женщина больше не говорит со мной, оставляет только еду, водит в душ, как и говорила, раз в два дня, меняет вещи.

Они больше похожи на тюремную форму, состоящую из комплекта кофты и брюк и футболки, в которой я сплю. Однажды она принесла витамины и какие-то таблетки, которые мне приказала пить. Изо дня в день она проверяет наличие на блистере новой отсутствующей.

Я пытаюсь считать дни с момента восхода и заката солнца. Спать здесь не удаётся, потому что я жду, когда оно снова взойдёт и когда сядет, считая трёхразовое питание.

Даже если и удаётся подремать, то всего лишь пару часов. Потому что дальше, как и всегда в моих снах, приходит он,

заставляя меня тут же пробуждаться с истошными криками и пятиться на кровати к стене.

И снова, и снова я останавливаюсь на моменте, когда эти безжалостные тёмные глаза дьявола смотрят чётко в меня. Пронизывая и наполняя каждую клеточку меня ужасом, отворачиванием и ненавистью.

Ощущение, что я позабыла все те качества, которые во мне возвращал дедушка. Будто одно только его появление и возможность отдать расплатой за сделанное будит во мне нечто кровожадное и немилосердное.

Если даже просто представить на секунду, что он встанет ко мне спиной, а у меня в руках окажется оружие... На этот момент, после томительных часов копания в себе, я применю это оружие и верю, что оно не дрогнет в моей руке.

Поднимаю подушку, наблюдая в окошке, что время уже вечернее. За эти дни тут благодаря той женщине появилась тумбочка, которую она периодически пополняет бельём, одеждой и таблетками. Присаживаюсь около неё, доставая покрывало, чтобы укрыться.

Холод – это теперь перманентная часть меня. Я даже и не помню уже, когда я здесь не мёрзла.

Пока достаю, вдруг сердце отбивает тахикардией мои рёбра, и я вскидываю взгляд на дверь. Поднимаюсь на ноги, отхожу подальше. Даже не слыша шагов, я чувствую, знаю, он идёт.

Ладонями касаюсь бетона за спиной, застываю каменной фигурой, а услышав лязг замка, всеми силами пытаюсь не поддаваться панике.

Осматриваю одежду, которая скрывает каждый сантиметр тела. Даже на ладони натягиваю рукава, оставляя лишь одни пальцы, которые готовы царапать до крови, для того чтобы почувствовать его кожу под ногтями.

Лязг замка. Скрипучий звук открываемой двери.

Появляется охранник, который ставит стул около кровати. А затем, наконец, здесь появляется тот, чью удушающе разрушающую энергетику я чувствую из раза в раз.

Он входит, метко попадая в мои глаза своим тёмным нещадным взглядом. За ним она закрывается со звуком того же самого щелчка.

Он снова пришёл насиловать.

Я вижу.

Не знаю, чувствую, понимаю.

Иных вариантов совершенно не имею.

Он молчит, лишь сканируя пространство, казалось бы, ленивым взглядом. Затем делает шаг вперёд, а я снова вжимаюсь в бетон.

– Сядь, – бросает грубо приказ, указывая на кровать.

Сглатываю, осознавая, что весь мой враждебный настрой, порождаемый без его присутствия, мгновенно улетучился. Остался лишь натуральный страх. Тот, что не даёт ни вдоха сделать, ни тем более сдвинуться с места.

Мужчина в ожидании смотрит, прожигая прищуренным взглядом, а я отрицательно и медленно качаю головой.

Тогда он прикрывает глаза без тени эмоций, но почему-то именно это рождает во мне первобытнейший ужас. Будто я на месте предков вижу самого опасного динозавра.

Медленно делаю шаг, призывая ноги передвигаться, и са-

жусь на край койки.

Монстр смотрит ровно вперёд, за мной не следит. А затем резко разворачивает стул и садится, опираясь на его спинку. Слишком внимательно следит он за моими глазами, а я ёрзаю на месте.

– Что вам от меня нужно? – не выдерживая этого пристального давления, шепчу.

Страх никуда не ушёл, но, может быть, я наконец получу ответ, чем я это заслужила...

– Твоё небольшое приключение должно было вызвать расстроенные чувства у одного человека. Незадача лишь в том, что не так уж ты оказалась дорога своему брату, – безудержно жалит словами, а у меня вспыхивает внутри.

Чудовище.

– Я здесь из-за этого?! Для шантажа?! – голос повышается до визга.

А в ушах пульсирует собственное биение главного органа.

– Отпустите меня... – перехожу на мольбу: – Я никогда

никому ничего не скажу.

Его равнодушные бесчеловечные глаза смотрят и будто даже насмеваются над моей агонией. В то время как я готова броситься ему в ноги, чтобы он только избавил меня от этого кошмара.

– Не скажешь, – подтверждает словами: – Теперь ты полностью загладишь его вину. Просто смирись.

Встаёт со стула, а я уже плачу, хоть и до конца не осознаю смысл сказанных мне слов.

– Что... вину? Какую вину? – бессвязно лепеча, вскакиваю с кровати: – Разве того, что вы сделали, недостаточно?

Он оборачивается уже у двери, окидывая взглядом моё тело. И от этого цепкого наблюдения по телу проходит озноб.

– Ты наверняка слёзно надеешься на брата... – бьёт наотмашь своими словами: – Однако, именно он не пожалел расплатиться тобой.

Приподняв уголок губ, этот мужчина отворачивается и уходит. А я оседаю на тот стул, который он оставил.

Антон расплатился мной...

То есть он прекрасно знает, что меня тут насилуют?

Обнимаю себя за плечи.

Такое паршивое чувство, даже несмотря на то, что мы отделились. Я тут размышляю об отсутствии чуткости и сочувственности, тогда как собственный брат, получается, продал меня в отместку своих проблем...

Усмехаюсь, но сгибаясь пополам, отчаянно пытаюсь держать руками свой собственный нервный срыв.

Мир сейчас даже перестал казаться чёрно-белым. Он просто чёрный.

Мрачный, с затхлым запахом гнили. Он вокруг меня, наполняет пространство этим зловонием, а я...

Я осознаю, что другой жизни, её уже просто нет.

Сейчас остались лишь этот мрак, пустота и тишина.

Глава 9

После того как я практически всю ночь проплакала, хороня себя заживо, утреннюю дремоту сгоняет привычный звук металла.

Подскакиваю на кровати, даже не успев протереть как следует глаза.

– Вставай, – тут же командует женщина.

– Куда? – сиплю из-за вчерашних рыданий.

Она оборачивается, со скепсисом вскидывая бровь.

– На работу.

Округляю глаза и боюсь даже с места сдвинуться. Пытаюсь уловить в её глазах хотя бы что-то, ну хоть что-нибудь, что подскажет мне смысл происходящего.

Но нет. Там бетонный забор. Такой же, как эти стены, и даже убеждена, с подобными засечками.

Надеваю кофту прямо на футболку, штаны и не снимала,

поэтому, сунув ноги в кроссовки, всё же поднимаюсь с постели.

Два шага мне нужно, чтобы оказаться у раковины и умыться лицо. А спустя ещё две минуты я уже выхожу за ней в сопровождении всё той же охраны.

Рассматриваю стены, такие же бетонные, но более яркий свет будто даже заставляет меня подумать о том, что здесь лучше.

Оборачиваюсь назад, замечая, как один из охранников, поглаживая кобуру пистолета, подмигивает мне. Тут же отворачиваюсь, стараясь проглотить тот факт, что всё это вызывает рвоту.

Даже несмотря на то, что теперь я знаю истинные мотивы изверга.

Мы поднимаемся по каким-то ступенькам, а когда оказываемся, наконец, у двери, я вижу пространство, больше похожее на цивилизацию.

Белые глянцевые стены слепят глаза, и я не удерживаю зудящее желание в пальцах провести по покрытию.

Какая-то тоскливая радость берёт своё правление, сменяя ту застывшую апатию, что процветала, пока я в прямом смысле слова сидела в темнице.

– Сейчас тебя приведут в порядок, – бросает женщина, тянет меня за руку и затаскивает в какую-то комнату.

Ошарашенно смотрю на неё, но она тут же закрывает дверь. Прижимаюсь к ней, дёргая за ручку, но она не поддаётся. Стучу по ней, не представляя, что значат её слова. А сама думаю лишь о том, что окажись я проворнее и сообразив сразу, могла бы броситься куда-нибудь.

Просто хотя бы самой себе доказать, что я буду бороться.

– Спокойнее, малышка, – слышу мужской голос из глубин комнаты.

И с паническим вскриком оборачиваюсь.

Напротив меня сидит незнакомый блондин, одетый во всё тёмное, а его ехидный взгляд проходится по мятой одежде. В эту же секунду из-за двери чуть дальше выплывает женщина.

Лет так сорок на вид, но крайне эффектная особа, что у меня даже дар речи пропадает. Она выглядит будто из филь-

ма. После бетонных стен, на которые я часами всматривалась, она слишком яркая для сетчатки.

Алая помада на пухлых губах блестит глянцем, ярко подведённые чёрным карие глаза смотрят с брезгливостью и явным отвращением. Блондинистые волосы в высоком стянутом жгутом хвосте смотрятся неестественно, а платье, что наверняка даёт мужчинам полёт фантазии, едва ли прикрывает причинные места.

– И это он хочет выставить напоказ... – бросает она, закуривая сигарету.

– Остынь, Марина, – тут же парирует незнакомец.

Ему на вид лет тридцать, а его светлые глаза, кажется, коршуном стягивают мою одежду.

Само помещение напоминает нечто вроде раздевалки или гримёрной, как в фильмах. Зеркала, столы и несколько кресел во всю длину стены. А в углу как раз стоит небольшой диван, на котором восседает один из Его головорезов.

– Садись. – цедит женщина, указывая на стул напротив зеркала.

Не двигаюсь с места, а парень приподнимает брови в ожидании.

– Надеюсь, мне не нужно напоминать, что приказ есть приказ, – выдаёт немного с ленцой.

Но даже несмотря на то, что он выглядит гораздо приятнее главного чудовища, это не вселяет в меня ни надежду, ни какого-либо облегчения.

Ноги будто свинцом налиты, и я не могу оторваться от двери, так и прижимаюсь к ней.

– Слушай, дикарка, либо сядь, либо я звоню ему, – нетерпеливо заявляет женщина.

– Марина. – буквально чеканит каждую букву этот мужчина, вставая с дивана.

– Малышка, или ты слушаешься, или придётся сделать тебе больно. – только заметив, что он движется на меня, тут же выставляю руки вперёд.

– Кто вы? – перевожу глаза с одного на другую.

И знаю, что силы неравны. Да и в целом моё положение

явно им известно, а они как раз ведут себя вполне удовлетворёнными своей жизнью. Чего совершенно не скажешь обо мне.

– Слушай сюда, – он вздыхает с явным раздражением: – Я в няньки не набивался. Однако, как видишь, торчу тут с тобой вместо того, чтобы заниматься более важными вещами. Так что давай сразу договоримся, – с каждым словом он становится всё ближе и ближе, а затем и вовсе крепкой хваткой удерживает мой локоть, буквально швыряя меня к столу: – Ты делаешь, как я говорю, и не плачешь.

В конце посылает озлобленный оскал.

– Марина, у тебя час. – цедит он и выходит из помещения.

Ему как раз дверь без проблем открывается.

– Вставай давай, доходяга, – выкидывая окурок в пепельницу, говорит женщина: – Даже за час я тебя не смогу привести в божеский вид.

С упрёком бормочет, а я, облакачиваясь на стол, поднимаюсь с пола.

С каждой минутой всё происходящее наваливается на ме-

ня бетонным ужасом, придавливая всё сильнее и сильнее. Кажется, что ещё немного, и я не удержу ослабшими руками этот фундамент, который накроет меня без возможности дышать.

Послушно сажусь в кресло, а она с явной брезгливостью тут же пытается рассмотреть мои волосы.

Дальше в течении целого часа она, бросая нелестные слова в мой адрес, пытается сделать из гнезда волос, сбившихся без расчёски, причёску. Мажет лицо, маскируя следы бессонных и слезливых ночей.

Комментарии женщины меня не трогают, а когда я рассматриваю её ближе, замечая мелкие морщинки, что собраны вокруг её губ и глаз, рявкает и приказывает не пялиться.

– Надевай, – бросает мне на колени нечто, что вызывает ещё большее количество вопросов, чем было до.

Точнее прибавляет изумление, неверие и шок к тому, что я уже имею. Кажется ещё немного, и меня буквально разорвёт от силы этих эмоций, что с каждым днём только нарастают.

– Что это? – шёпотом спрашиваю, рассматривая ленточ-

ки, кружево и бантики.

– Форма твоя, – усмехается она, посылая в меня язвительную насмешку.

– Я не...

– Послушай, – наклоняется ближе: – Ренат очень не любит слушания, крайне. И расплата за неповиновение может быть фатальной. Одно моё слово ему и тебе крышка, дохода.

Она прямо упивается силой своей власти, а я ошарашенно смотрю на женщину, не представляя, куда я попала.

Молча встаю сглатывая.

– Скажите, прошу вас... Пусть убьёт меня, чем терпеть всё это.

Озвучиваю, оставляя явно дорогую ткань на кресле. Смотрю на неё взглядом, в котором убеждена, невооружённым глазом видно, что я готова.

По крайней мере, после всего того, что было, я действительно в абсолютном согласии с тем, что смерть лучше, чем

всё это.

Глава 10

– Идиотка! – шипит женщина и тут же кому-то звонит: – Сев, я больше не могу, иди с ней, сам возись!

Не слышу ответа собеседника, а через буквально пару минут дверь с грохотом открывается. Наблюдаю всё того же парня и сглатываю.

– Так, малышка, не пойдёт, – чеканит он: – Марина, выйди.

Та, вскинув бровь и ехидно ухмыльнувшись, цокает каблуками и выходит из комнаты.

– Пожалуйста, – скулю, глядя на мужчину, а он отводит взгляд в сторону и чешет бровь.

А в следующую секунду его рука больно сжимает волосы, оттягивая их вниз.

– Ещё раз, – сейчас он не кажется тем, кем представился в первую минуту, сейчас он пугает не меньше того изувера: – Ты делаешь то, что тебе говорят, или твоя смерть будет долгой и мучительной. Хотя, может быть, тебя простимулирую.

ет беда твоего друга... Денис, кажется? – округляю глаза от ужаса, позабыв о боли напрочь: – Вижу, что ты поняла... – усмехается он со злостью в глазах, прикрыв глаза со стекающими дорожками слёз, я послушно киваю.

Он отпускает, забирая тряпки со стула и протягивая их мне. Вялым движением забираю, а он, послав в меня довольную улыбку, собирается выйти.

– Марина, всё решено. Наша гостья всё поняла. – женщина вновь возвращается, со скрещёнными руками на груди и в ожидании смотрит на меня.

Прохожу в маленькую комнату, которая выглядит как примерочная и, глотая слёзы, закусываю кулак.

Не могу понять, за что мне это... Да, он сказал, что брат виноват, но тогда бы и спрашивали с него, так ведь? Разве это справедливо к человеку, который не имеет отношения ко всему этому?

Натягиваю бельё, которое приходится по размеру, но я даже этому не удивлена. Выгляжу как проститутка, но, учитывая то, что здесь происходит, кажется, это лишь цветочки. Смотрюсь в зеркало, макияж весь поплыл, и пятнами проглядывает серая кожа. Так бы и оставить, чтобы им всем

здесь стало противно, и они перестали меня трогать.

В отражении вижу слабую девушку, которая не в силах противостоять этим монстрам. Однако старательно пытаюсь зажечь огонёк, чтобы быть сильнее и окончательно не сломаться.

– Ну! Ты где там?! – нетерпеливо и раздражённо звучит голос этой Марины.

Утирая слёзы, выхожу, показываясь ей. Она стоит, потирая подбородок, и разглядывает каждый сантиметр моего тела.

– Недурно, но могло быть и лучше, – выдаёт она свой вердикт: – Садись, поправлю твоё лицо, – с неприязнью озвучивает она.

А после двадцати минут отрешённого ожидания на стуле она, наконец, провожает меня куда-то по коридору. Даже не спрашиваю, куда и зачем, потому что подсознательно я уже всё поняла. Да и есть ли смысл, если всё равно я не смогу сейчас ничего изменить.

– Проходи! – открывает дверь, за которой крошечная тьма.

Сглатываю и на негнущихся ногах захожу.

В помещении лишь приглушённо горят жёлтым цветом пара светильников на стенах. Это позволяет разглядеть очертания небольшого подиума, а в середине него шеста.

Прикрываю глаза, останавливаясь на секунду. Других дверей нет, и наверняка за той, что закрылась после меня, стоит охрана или тот больной блондин.

– Смелее, – слышу хриплый бас, и волоски на коже встают дыбом.

Это он.

Сердце тут же пытается проломить грудную клетку, а я нервно вожу глазами по периметру помещения.

Однако никого не вижу.

Рвано дышу, но шаг сделать не могу, лишь одними губами повторяю единственное «пожалуйста».

Не знаю, откуда он видит и видит ли вообще, но снова утирая слёзы, я продолжаю стоять на месте.

– Тебе нужна помощь, чтобы дойти? – с усмешкой звучит вопрос, а я медленно отрицаю, мотая головой.

Собираюсь с духом и, вдыхая в грудь побольше кислорода, всё же ступаю дальше. Когда я оказываюсь на подиуме, откуда-то громогласно звучит резкое:

– Танцуй.

Опешив от приказа, обескураженно застываю.

– Что? – собственный скрипучий голос, который из-за страха слышится слишком слабым.

– Ты поняла.

Неустойчиво встаю рядом с шестом, и вдруг резко включается свет. Точнее подсветка по периметру этого возвышения. Щурюсь, пытаюсь привыкнуть к светодиодному освещению, и стараюсь разглядеть того, кто говорил со мной.

Однако в комнате кроме меня больше никого нет. Оборачиваюсь назад себя проверяя, и понимаю, что я действительно тут совершенно одна. В мозгу полное непонимание, и я рассматриваю потолок, потому что не понимаю, откуда

он говорит со мной.

– Время идёт... – снова звучит хриплый голос на всё помещение.

Тут же включается музыка, медленная, расслабляющая. Наверное, услышь я её не при таких обстоятельствах, она бы мне даже понравилась. Однако сейчас кроме тихого кошмара я не чувствую ничего.

Двигаю невпопад ритму бёдрами и чувствую себя максимально странно. Будто я какая-то безумная, хотя по праву безумцы все, кто находится рядом во главе с этим полоумным.

– Почувствуй ритм, Алиса, – снова прорывается голос, а у меня это даже вызывает нервную усмешку: – Проникнись, – вкрадчиво звучит он.

Прикрываю глаза, отказываясь участвовать в этом цирке, и не знаю, откуда у меня берётся смелость.

– Я не буду этого делать, – дрогнувшим голосом озвучиваю.

Жду ответ, но он тянет. Пауза, которая длится, кажется,

вечность, заставляет снова нервно озираться. Если он сейчас выскочит из ниоткуда и убьёт меня, это будет наилучшим исходом для меня. Тогда Денис не пострадает, а я, наконец, буду свободна.

– Хочешь передать привет своему другу? – всё тем же вкрадчивым голосом насмехается чудовище.

Глаза расширяются, и я качаю головой.

К страху примешивается невероятная злость, а эта беспомощность, она уничтожает. Глубокий вдох, и я опускаю глаза. Начинаю медленно раскачивать бёдрами, представляя, что я где-то не здесь. Поддаюсь мелодии медленно и немного лениво.

А воображение рисует, что я стою перед своим парнем где-то далеко отсюда. Соблазняю его, чтобы увидеть блеск его глаз. Он стоит напротив, немного удивлён, наблюдает за моими движениями, поправляя свою рубашку и сглатывая. Поднимаю руки вверх, кокетливо вырисовывая восьмёрку бёдрами, а на лице тянется лёгкая улыбка.

Глава 11

Забываюсь настолько, что, кажется, действительно сейчас нахожусь не здесь. Полностью отдаюсь мелодии, утопая в воображаемом мире.

Однако всё это резко рассеивается, когда я чувствую чужое дыхание. Тут же застываю, ощущая, как деревенеет тело. А тем временем грубые ладони прижимают меня к себе. Грудь рвано дёргается, и, заметив это, он ведёт одной ладонью выше, останавливается посередине, где-то в районе солнечного сплетения.

– Пожалуйста, – лепечу вновь, надеясь, что он не сделает этого снова.

Но в ответ я чувствую лишь терпкий парфюм, что, кажется, заполняет пространство и вызывает только тошноту.

Он прижимает сильно, и я не слышу ни единого звука. Даже биение его сердца не отдаётся в спину.

Оно и не удивительно, у такого чудовища разве может быть сердце.

Чувствую, как его ладонь сжимает полушарие груди, и даже становится больно, но я лишь пытаюсь увести тело подальше от него. Вопреки тому, что это глупо, потому как стальные путы, в которых он держит, не дают мне этого сделать и на миллиметр.

– Мы с тобой сыграем в одну игру, – хрипит в ухо, обжигая дыханием.

Вторая рука тем временем уже двигается ниже и с силой оттягивает резинку этого вульгарного белья.

– Нужно лишь подчиняться, Алиса.

– Я не...

Пытаюсь ответить, что это какие-то глупости.

– Будешь, будешь... У нас с тобой впереди долгий путь к тому, чтобы возместить ущерб. – продолжает опалять кожу своим дыханием.

А я, как загнанная птица, боюсь пошевелиться.

– Как? – сиплю, пряча мерзость от того, что его руки лапают меня.

Хочется стряхнуть, оттолкнуть, сделать хоть что-то. Но и тут ранее пришедшая мысль о подчинении напоминает о себе.

Может быть, мне всё же удастся освободиться без чьей-либо помощи...

Мужчина несколько секунд молчит, а затем резко разворачивает к себе. Ошарашенными глазами вожу по его лицу. В те разы, когда я видела его, от животного страха и его насилия, не видела ничего, кроме безжалостного чёрного взгляда.

А сейчас смотрю ему в глаза, замечая мелкие морщины вокруг, густые чёрные ресницы, что даже не опускаются, пока он смотрит на меня в ответ.

Одетый в чёрную военную форму, он, действительно, вселяет ужас. Однако, разглядывая бездушное подобие человека вблизи, замечаю, как с одной стороны у виска имеется пятно седых волос. Плотно сжатые губы мужчины демонстрируют то, что внутри него ничего святого. Жестокость и насилие в чистом виде. А татуировки, что яркими опасными узорами выются по рукам и шее, наводят на меня полную уверенность, что его преступная деятельность с рождения с

ним.

– Я научу тебя, – звучивает вкрадчивым голосом.

Хмурю брови, не обращая внимания на слёзы, и мотаю головой.

– За что вы так со мной... – неосознанно срывается жалкий шёпот: – Вы...

– Есть границы, Алиса, – чеканит он тут же: – Мне их переходить можно, тебе нельзя.

Усмехаюсь, кивая на его слова, а у самой в голове не укладывается, разве не нашёлся ещё тот, кто был бы способен лишить землю такого изувера.

– И что я должна делать? – спрашиваю, собирая все свои оставшиеся силы в кулак.

Только бы удержаться, только бы смочь.

Бездушный едва уловимо кривит уголок губ в ответ.

– Как минимум научиться танцевать, – бросает небрежно и собирается отойти в сторону: – И в следующий раз, когда

я приду, я хочу, чтобы ты была готова.

Смотрю на него, не веря в услышанное... Нет, я думала, что он и сейчас наглым образом принудит меня. Однако, то, что он озвучил, это ведь заставит меня дёргаться каждую секунду. Когда и без этого я уже чувствую невроз.

– Если вы хотите, чтобы я...

Не успеваю договорить, как он в шаг оказывается возле и хватает за шею. Вижу, как склоняет голову набок и опасно щурит свои глаза.

– Не может быть «если», Алиса, запомни. Условия выставлю только я, – давит на шею, а я судорожно пытаюсь вдохнуть и ослабить его хватку: – Для убедительности... Я отрежу фаланги каждого пальца твоему замечательному историку, прежде чем отправить его на тот свет. Сейчас его жизнь зависит только от тебя.

Резко отпускает, а я всхлипываю, в то время как он оставляет меня одну. Вновь реву, опускаясь на пол. Хоть и знаю, что обязана взять себя в руки. Только не получается. Отчаяние нападает с такой силой, и я уже не верю, что этот кошмар закончится. Ведь стойкое ощущение, что он только начинается, не покидает ни на секунду.

Глава 12

Ренат

– Что делать с девчонкой? – Сева стоит рядом, пока я наблюдаю, как собираются наши.

Оборачиваюсь на него, скрывая то, что его ждёт наказание за то, что он допустил.

– Поселить в комнате, одну не отпускать, – отвечаю беспристрастным тоном.

– В смысле? – Младший прищуривается и всматривается в моё лицо.

– Ты слышал.

– И на кой чёрт она сдалась, можно же отдать псам на растерзание... – причитает он.

Младший появился здесь не так давно, однако, несмотря на возраст и словоохотливость, сразу завоевал звание дове-

ренного человека. Только это всё касается наших дел и работы. В остальном же каждый, кто работает на меня, должен проходить тщательный отбор и инструктаж, иначе это грозит потерями, а терять я не привык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.